

От цен единого уровня к Новочеркасской трагедии

В мае 1962 года торжественно отметили 40-летие детской пионерской организации, советского аналога западных скаутов, а 1 июня 1962 года отца пригласили на приуроченное к торжественной дате открытие нового шикарного Дома пионеров в Москве на Ленинских горах. Праздник удался на славу. Выступали танцоры, певцы, спортсмены, все пионерского возраста, ну а взрослые говорили речи. Выступил и отец. Очень коротко. В это же время в далеком Новочеркасске забастовали рабочие электровозостроительного завода. Отец о происходящем еще ничего не знал. Собственно, в тот момент там еще и не произошло ничего такого, о чем следовало докладывать главе правительства.

Так что же случилось в Новочеркасске 1 июня?

Начну с предыстории. Напомню, что летом 1960 года Пленум ЦК постановил разработать и внедрить в практику «цены единого уровня», то есть такие, когда произведенная продукция оплачивается потребителем напрямую, а не за счет перекрестной системы доплат, дотаций и других финансовых ухищрений.

⁷⁰ Судьба Альфреда Саранта (Филиппа Староса) и его друга Джоеля Барра (Жозефа Берга) подробно описана в книге Steven T. Usdin «Engineering Communism How two americans spied for Stalin and founded the Soviet Silicon Valley». New Haven and London, Yale University Press, 2005. На русском языке об их судьбе упоминается в книге Александра Феклисова «Признание разведчика. Миссия». М., Олма-Пресс, 1999.

При Сталине индустриализация проводилась за счет ограбления крестьян, принуждаемых работать за трудовни-палочки, когда на приемных пунктах за килограмм зерна платили меньше, чем стоила одна лишь его доставка. С другой стороны, промышленные товары, от тракторов до трусов, продавались втридорога. Установленная государством система цен, так называемые «ножницы» «выстригали» из труда крестьян сверхприбыли, которые и вкладывались туда, куда Сталин в то время считал их нужным вложить. Неповиновение, один лишь намек на неповиновение, карался жестоко, чтобы другим неповадно было. Так крестьяне и работали из-под палки, но рабский труд непроизводителен, хлеба, не говоря уже о чем-либо ином, в стране хронически не хватало.

Отец считал, что без материальной заинтересованности производителя в своем труде воз советской экономики с места не сдвинуть. Только прозрачная система цен позволяла установить такие отношения между продавцом и покупателем, которые базируются на заинтересованности производителя в результатах своего труда, заинтересованности сделать производство эффективным и менее затратным, а значит, и более прибыльным. Одновременно покупателю предоставляется возможность выбрать товар по своему вкусу, и оплата товара полна должна стимулировать производителя.

В 1953 году отец отменил наиболее одиозные налоги и одновременно увеличил закупочные цены. Все с той же целью, ибо эффективен только мотивированный труд. Отец называл эти естественные взаимоотношения производителя и потребителя – материальным стимулированием. В народе выражались проще: «как потопаешь, так и полопаешь». Выражения разные, но суть неизменна.

Собственно, к восстановлению мотивации труда на селе (в промышленности дела обстояли получше) и направлял отец в последние годы все свои усилия: снижал налоги, повышал закупочные цены, пытался установить фиксированный, на несколько лет вперед, оброк со ста гектаров пашни. За труд следует платить столько, чтобы человеку хотелось работать и удавалось заработать. «Какой дурак, извините меня за грубость, – повторял отец из совещания в совещание, – станет увеличивать производство мяса, если чем больше он его производит, тем больше хозяйство – совхоз или колхоз – терпит убыток».

Однако сделать отношения производителя-крестьянина и потребителя-горожанина естественными, когда потребитель платит производителю цену, способную всерьез заинтересовать его, никак не получалось. Все упиралось в крайне низкие розничные, магазинные цены на продукты питания. Их еще называли политическими или социально-ориентированными.

Государство увеличивало закупочные цены, оставляя розничные неизменно низкими. Отец понимал, если товар: зерно, мясо, молоко закупаются по более высокой цене, то и продаваться они должны не задешево, но поделаться ничего не мог. Повысь он цену на хлеб... Вот и приходилось вводить до крайности раздражавшие людей запреты.

Но государственный карман – из него доплачивалась разница между растущими закупочными и неизменными розничными ценами на хлеб, на мясо, на молоко – не бездонный. Собственно, в стратегии цен мало что изменилось. Если при Сталине грабили крестьян в интересах металлургов и машиностроителей, то теперь пытались отдать долги за счет ограбления кого-то еще и в другом месте, например, завышая цены на одежду или мебель. Деньги из ниоткуда не берутся. Что в одном месте прибавится, то в другом – убудет. Получался тришкин кафтан. Страна погружалась в экономический сюрреализм, ведущий ее к банкротству. Вырваться из него, сделать труд крестьян мотивированным, прибыльным, этот «капиталистический» термин отец употреблял все чаще, можно только нарушив догму «неповышения цен при социализме». Эту очевидную истину провозглашали и собранные Засядько в Госэкономсовете ученые-экономисты. Их выводы подтверждались реалиями жизни, сельскохозяйственное производство последние два года отказывалось расти, хоть плачь.

В марте на Пленуме ЦК отец говорил, что из продуктов питания у нас нет перебоев только с хлебом. Мясо и молоко можно купить далеко не всегда и не везде. Всё, как и прежде, упиралось в недостаток кормов, кукуруза приживалась плохо, она требовала труда, а без соответствующей оплаты, без заинтересованности никто не хотел заниматься тщательной обработкой полей, рыхлением, прополкой. Вот она и хирела, едва проклюнувшись из земли.

С зерном, пшеницей, рожью, ячменем, овсом дело обстояло лучше, но зерна едва хватало на обеспечение людей, скармливать его коровам и свиньям рука не поднималась. Чтобы избавиться от извечно российского страха перед недородом, голодом, нужно, считал отец, увеличить сбор зерна втрое. И правильно считал. Но как?

На Пленуме отец признал, так как возврат к старому, к принуждению невозможен и неэффективен, остается только одно: открытое, не дотационное сбалансирование закупочных и розничных цен. Иначе страна очень скоро вылетит в «черную дыру» бюджетных доплат и переплат.

Сейчас такое решение называют «непопулярным», тогда оно отдавало «самоубийством», хорошо если только политическим. Но отец все же решился. Иначе пришлось бы отказаться от реформирования не только сельского хозяйства, но всей экономики.

Сразу после Пленума, в марте, отец распорядился готовить соответствующие документы. 17 мая 1962 года Совет Министров принимает решение повысить закупочные (сдаточные) цены на крупный рогатый скот, свиней, птицу, масло животное и сливки, и весьма существенно, по некоторым категориям чуть ли не вдвое. Одновременно увеличивали розничные цены на мясо и мясопродукты на тридцать процентов, а на масло животное – на двадцать пять процентов.

1 июня 1962 года газеты опубликовали оба Постановления: «О повышении закупочных цен» и «О повышении розничных цен». На первое никто внимания не обратил, рядовых горожан, стоящих в очереди к прилавку магазина, оно не касалось, а вот второе вызвало бурю негодования. Винили, естественно, отца, и тут же поминали «благодетеля» Сталина – при нем цены шли не вверх, а вниз.

Отец решил выступить по телевидению с разъяснениями. Его помощник по международным делам, осторожный и дипломатичный Олег Трояновский попытался было отговорить отца, посоветовал поберечь репутацию, поручить неприятную миссию Микояну или Косыгину.

– Я первое лицо в государстве, и негоже мне прятаться за чьи-то спины. Я отвечаю за все и к людям обязан обратиться только я, – резко возразил отец.

Трояновский промолчал, но остался при своем мнении.

Доводы отца понимания в народе не встретили. Люди глухо роптали. Когда вечером 1 июня я попытался пересказать отцу, о чем судачат в Москве, он только грустно отмахнулся: «Я все знаю. Да и не могло быть иначе». Вот только он мне не сказал, что на юге России, в Новочеркасске и еще кое-где, где конкретно я, за давностью лет, уже не припомню, дело в тот день не ограничилось роптанием. В ранних публикациях я упоминал в этой связи Муром и Темиртау. После проверки выяснилось, что меня подвела память, беспорядки там происходили, но в другое время и по другому поводу.

В большинстве мест все закончилось миром. В Новочеркасске же ситуация сложилась иначе. Там на электровозном заводе в феврале повысили нормы выработки, что привело к падению зарплаты рабочих. У некоторых – до тридцати процентов, а тут 1 июня навалилось еще и повышение цен. Совпадение оказалось трагическим. Люди возмутились не на шутку. Утром 1 июня рабочие литейного цеха, по началу человек двадцать-двадцать пять, забастовали, потребовали директора. Директор завода Борис Курочкин повел себя в высшей степени по-хамски. В ответ на жалобу, что теперь рабочим мяса купить не на что, он нагло бросил: «Нет денег на мясо, покупайте пирожки с ливером». Возбужденные его словами

люди двинулись к заводууправлению. По пути к ним присоединились рабочие других цехов. Количество бастующих быстро выросло до трех тысяч человек. Появились плакаты: «Мяса, масла, повысьте зарплату!». Рядом водрузили большой портрет Ленина. Толпа загрохотала заводскую площадь, перегородила железнодорожные пути, остановила поезд... Перепуганное городское и областное начальство вместо того чтобы попытаться самим уладить дело, обратилось за помощью к военным.

2 июня отец вернулся домой хмурый. На мой вопрос: «Что случилось?» – ответил: «В Новочеркасске рабочие устроили бузу, дошло дело до стрельбы». «Буза» в терминологии отца означала отказ рабочих от работы. Он не раз вспоминал, как сам перед революцией «бузил» на заводе Боссе в Донбассе. Буза, при умелом обращении с людьми, не сулила серьезных неприятностей. В том, как все обернулось в Новочеркасске, отец винил не рабочих, а местное партийное начальство, потерявшее, как он говорил, всякую связь с народом.

Теперь же, когда пламя разгорелось, пришлось вмешаться центру. Отец сказал, что на место вылетели Андрей Павлович Кириленко и Александр Николаевич Шелепин, но с поручением они не справились, трусили. Побоялись даже выйти к людям, отсиживаются в обкоме, в Ростове. Следом отец отправил другой десант: Фрола Романовича Козлова, Анастаса Ивановича Микояна и партийного пропагандиста Леонида Федоровича Ильичева. Особую надежду отец возлагал на Микояна, на его умение договариваться, как шутил отец, даже с чертом. Договориться не удалось, конфликт «разрешили» с применением военной силы, погибли люди. Наиболее активных демонстрантов арестовали, как докладывал, выехавший на место, первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин, «за попытку вооруженного мятежа и хулиганские действия, приведшие к серьезным разрушениям в городе». В подтверждение своих слов он прислал отцу толстый альбом фотографий: здания с выбитыми окнами, комнаты с переломанной мебелью, толпы людей на улицах...

Отец принес фотографии домой, сунул их мне: «Если хочешь, посмотри, что там творится». Отвечать на вопросы не стал, только отмахнулся: «Не приставай».

О том, что случилось в те дни, я узнал из разрозненных обмолвок причастных к трагедии лиц. Постепенно, как из мозаики, складывалась некая картина, естественно, далеко не полная. Председатель КГБ Владимир Семичастный в моем присутствии рассказывал, что зачинщиков беспорядков судили, наиболее злостных расстреляли. От его слов повеяло могильным холодом 1930-х годов.

Потом сын Микояна Серго объяснил мне, почему Анастасу Ивановичу не удалась его миссия. По его словам, Козлов полностью отстранил Микояна от дел. Жесткий Козлов рвался применить силу, напрочь отвергал предложения Микояна вступить с толпой митингующих в переговоры. Козлов без обиняков напомнил Микояну, что тот уже напереговаривался до крови в 1956 году в Венгрии, допереговаривается и здесь. Беспорядки следует пресечь в зародыше, пока они не расплозились за пределы города, пока их еще можно пресечь и, по возможности, избежав худшего.

В исторической ретроспективе прав оказался Козлов, переговоры ни к чему бы не привели. Стихийный протест не дает такой возможности, а в Новочеркасске властям противостояла неорганизованная, возбужденная толпа. Разговаривать было не с кем, толпу никто не вел. А какие переговоры со стихией?! Так и получилось, пока москвичи совещались, спорили, не могли договориться, что предпринять, время безвозвратно ушло, обстановка раскалилась докрасна, и все окончилось кровопролитием, которого, действуя они изначально решительно, по Козлову, можно было бы избежать. Так что за пролитие крови основную ответственность несет, как это ни парадоксально, умиротворитель Микоян.

Когда все закончилось, Козлов не только потребовал строго наказать участников демонстрации, но распорядился депортировать в Сибирь тех, кого не за что было арестовать.

вать. Микоян возражал, пригрозил, что пожалуется Хрущеву. В ответ Козлов запретил соединять Микояна с Москвой и одновременно приказал подогнать к Новочеркасску вагоны, в которые предстояло погрузить депортируемых. Только после скандала, устроенного Микояном, ему позволили дозвониться до отца. Отец возмутился самоуправством Козлова, депортация не состоялась. С тех пор Козлов и Микоян еще более возненавидели друг друга. Вот, собственно, и все, что мне удалось узнать по горячим следам.

Долгое время я не подвергал сомнению версию о намерении Козлова сослать все население Новочеркасска. Вернее, просто о ней не задумывался. А потом задумался, и «вагонная» история стала казаться мне подозрительной. Мы знаем о ней со слов Микояна, и рассказал он ее уже после инсульта Козлова, когда последний чисто физически не мог ничего возразить.

Козлов подобными полномочиями не обладал и не мог обладать. Да и никто бы без согласия отца и формального решения Президиума ЦК и слушать его не стал. Подогнал вагоны! Депортировать целый город! Куда депортировать? Где этих людей размещать? В 1962 году такое самоуправство наверняка стоило бы Козлову карьеры, да и слухи о нем разошлись бы по Москве широкими кругами. Однако дыма без огня не бывает, что произошло тогда на самом деле, я расскажу чуть ниже.

Более или менее достоверная картина происходившего в те дни в Новочеркасске раскрылась лишь в конце 1980-х годов, когда по решению I съезда народных депутатов СССР военная прокуратура провела подробное расследование. Конечно, и эти результаты не до конца объективны. Военные пытались обелить себя, свалить вину за кровопролитие на КГБ, но факты были собраны исчерпывающие.

Материалы дела свидетельствуют о следующем. Партийное начальство во главе с первым секретарем Ростовского обкома Басовым приехало в Новочеркасск только во второй половине дня 1 июня, когда митинг уже набрал силу. Это тот самый Басов, который в 1961 году произвел слабое впечатление на отца. Он его тогда охарактеризовал «фразером», собрался заменить, но не успел. Басов вышел на балкон заводоуправления. Толпа притихла. Люди ждали, что он заговорит о наболевшем, о тарифах, о заводских проблемах. Басов же, не найдя нужных слов, стал зачитывать опубликованное в газетах «Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о повышении цен». Толпа враждебно загудела, кто-то бросил в Басова бутылкой. Обкомовцы ретировались в здание и приказали милиции очистить площадь. Но милиции, даже при поддержке вызванных к тому времени внутренних войск, выполнить приказ не удалось. Более того, балконом завладели забастовщики, сорвали висевший на фасаде дома портрет Хрущева, виновника, по их мнению, всех несчастий в стране, и под одобрительные выкрики толпы сбросили его вниз. Кто-то снизу выкрикнул: «Долой правительство Хрущева! На мясо его! Давай сюда Маленкова и Шепилова!» Уже потому «хороших», что их изгнал ставший «плохим» Хрущев, что типично для стихийного протеста.

Затем забастовщики попытались выступить сами, воспользовались оставшимся от Басова мегафоном. Но он не действовал. Находившиеся на балконе люди, рассерженные неудачей, выбили ближайшие окна, залезли внутрь, чуть пограбили, но вглубь здания не пошли, пыл их быстро охладел. Митинг тем временем переместился к соседнему переходу над железной дорогой, теперь его, а не балкон заводоуправления, использовали как трибуну. Кто-то забирался наверх, что-то кричал, галдящая сама по себе толпа его не слушала и не слышала.

Все еще остававшийся в помещении заводоуправления Басов обратился за помощью к армии. Министр обороны маршал Малиновский телефонограммой, ссылаясь на распоряжение Хрущева, приказал командующему округом генералу армии Иссе Плиеву поднять по тревоге воинские подразделения и сосредоточить их в районе Новочеркасска. Однако Пли-

ева в штабе не оказалось, он уехал в войска и вообще еще ничего не знал о происходящем. Его разыскивали, но не разыскали, пока он не вернулся в свой кабинет в Ростове, а Басов все сидел, забаррикадировавшись в заводоуправлении. Митингующие, не зная, что дальше предпринять, столпились на железнодорожных путях. Только в четыре часа дня начальник штаба округа доложил Плиеву о поступившей команде. Генерал решил не спешить, сначала самому разобраться в обстановке и, не отдав никаких распоряжений, уехал в Новочеркасск.

Тем временем в Ростов приехали «москвичи»: член Президиума ЦК, заместитель отца по Бюро ЦК по РСФСР Андрей Павлович Кириленко и секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин в сопровождении двух заместителей председателя КГБ Ивашутина и Захарова.

Как позже свидетельствовал перед работниками прокуратуры Шелепин, Хрущев, напутствуя его и Кириленко, приказал действовать только мирными средствами.

Когда в 5 часов вечера генерал Плиев прибыл на место, он получил от Кириленко, взявшего в свои руки власть, распоряжение вызвать Басова, заблокированного в здании заводоуправления. Инструктируя подчиненных, Плиев особо подчеркнул: «Во время операции силу и оружие не применять». Более того, солдатам вообще не выдали патронов к автоматам. Разведывательно-десантная рота 18-й дивизии черным ходом вывела областное начальство из здания заводоуправления и доставила к Кириленко. Надо сказать, что военные входили в здание открыто, хотя толпа и была настроена нервозно. Люди перевернули два грузовика, хватали офицеров за рукава, спрашивали: «Вы за кого?» Но вслед за военными в здание бастующие не пошли.

К этому времени к площади подошли вызванные Кириленко танки. Митинговавшие встретили их куда более враждебно, чем десантников, в гусеницу головной машины пытались засунуть металлические прутья, разбили фары и перископ, а в довершение всего накрыли танк брезентом. Заметив танки, заместитель Плиева генерал Шапошников приказал немедленно их с площади убрать. Он не знал, что они здесь по распоряжению Кириленко.

Спустя десятилетия после событий в прессе сообщалось о генерале, отказавшемся, вопреки приказу, ввести танки в город. В материалах следствия о подобных действиях не говорится ничего. На самом деле, когда, еще до приезда Кириленко в Новочеркасск и до приказа Малиновского, Басов позвонил командиру 18-й танковой дивизии полковнику Шаргородскому и попросил навести на заводе порядок, тот ответил отказом. Обкому он не подчиняется. Так же отреагировали на звонок Басова и в штабе округа. Без приказа командующего округом Плиева они решили ничего не предпринимать. Генерал Плиев одобрил действия, вернее, бездействие своих офицеров. Войска вмешались, только получив распоряжение министра обороны маршала Малиновского. Случаев неисполнения приказов по команде не наблюдалось. Но нет дыма без огня. Генерал-лейтенанта танковых войск Матвея Кузьмича Шапошникова, в 1962 году первого заместителя Плиева, в 1966 году отправили в отставку из-за постоянных разногласий с командующим. В 1967 году, при Брежневе, его судили «за изготовление и хранение анонимного письма-воззвания антисоветского содержания». К написанию письма его подтолкнули «репрессии и издевательства со стороны Плиева». Так генерал свидетельствовал на собственном судебном процессе в октябре 1967 года. О суде над ним, как и о процессе над участниками волнений в Новочеркасске, в прессе, естественно, не сообщалось. Вот людская молва и свела 1962 и 1967 годы воедино.

В семь вечера в штаб военного округа позвонил из Москвы Малиновский и лично распорядился: «Передайте Плиеву. Дивизию поднять. Танки не выводить. Навести порядок. Доложить». Ближе к вечеру из Москвы прилетели Козлов с Микояном и взяли командование в свои руки. Новоприбывшие разместились в расположении танковой дивизии. Настроен Козлов был решительно. На первом же совещании он заявил: «Надо применять оружие, а тысячу человек посадить в железнодорожные теплушки и вывезти из города». Об этом разговоре, наверное, и вспоминал Микоян. Тысячу человек, но не все население города, и как

далеко их везти Козлов тоже не уточнил, но люди склонны к преувеличениям. Имели ли Козлов с Микояном соответствующие полномочия от Хрущева, комиссия не выяснила, но отметила, что за заявлением Козлова никаких действий не последовало.

С наступлением темноты бастующие разошлись по домам.

Утром 2 июня рабочие вновь собрались на площади перед заводоуправлением. Решали, что делать дальше. Наконец построились колонной и двинулись по мосту через реку Тузлов к зданию горкома партии. Колонна получилась внушительная, над толпой колыхались красные флаги, портреты Ленина, Маркса, Энгельса. На мосту через реку Тузлов демонстрантов встретили посланные Козловым танки и шеренга курсантов Ростовского военного училища. Все без оружия. Люди не полезли на рожон, переправились через реку вброд. Их никто не задерживал. К 10.30 утра колонна вышла на площадь Ленина, к зданию, где находились Новочеркасский горком и горисполком. К бастующим никто не вышел, местные руководители в панике разбежались. Вход в здание преграждала шеренга народных дружинников и солдат. Рассерженные люди легко смели оцепление, взломали двери и растеклись по этажам. На балконе появились первые ораторы из демонстрантов. Они уже прослышали, что из Москвы прилетели Микоян и Козлов, и стали требовать, я бы сказал, просить Микояна выступить, разъяснить действия властей и покарать местных самодуров-начальников. Вскоре тема Микояна стала навязчивой, к ней возвращался каждый второй выступавший, толпа скандировала: «Микояна, Микояна...». Но Микоян на балконе так и не появился.

Настроение толпы постепенно накалялось, кто-то призвал идти к милиции освобождать демонстрантов, задержанных накануне. У помещения милиции и КГБ (оба ведомства размещались в одном здании в соседних комнатах) собралось человек триста. Несколько человек попытались перебраться через кирпичный забор во внутренний двор. В ответ раздалась выстрелы солдат 505-го полка внутренних войск. Стреляли вверх, над головами, по забору, но не по людям. Демонстранты прекратили попытки проникнуть во двор, спрыгнули с забора назад на улицу. Однако выстрелы не испугали атакующих. Они выломали выходившие на улицу двери, проникли внутрь отделения милиции, но арестованных там не нашли. Их ночью увезли из города. В углу дежурной комнаты обнаружили кучку солдат. Стали их бить. У рядового Репкина отняли автомат. Кроме автомата, иного оружия, ни до, ни после, в руках у демонстрантов не было. Другой рядовой, Азизов закричал: «Наших бьют!» – и стал стрелять в воздух. К нему присоединились его товарищи, толпа рванулась к ближайшей двери. Она вела во двор, где сгрудились солдаты, перепуганные предыдущим нападением. Они открыли огонь. Подоспевший на выстрелы командир полка Петр Малютин с трудом прекратил стрельбу. Результат – пятеро убитых, еще двое умерли от ран позже. Раненых не считали.

Пока толпа штурмовала отделение милиции в Новочеркасске, Микоян и Козлов переместились из Ростова в военный городок танковой дивизии. Там уже находились и Кириленко с Шелепиным.

Тем временем митингующие у горкома, убедившись, что Микоян к ним не идет, решили послать к нему делегацию. Вызвались девять добровольцев, среди них две или три девушки, остальные мужчины, один изрядно пьяный. Так запомнилось свидетелю, которого отыскивали уже в конце 1980-х.

Инициативу переговоров с ходоками взял на себя Козлов. Микоян сидел тут же, но не проронил ни слова. Разговора не получилось. «Представители» по сути никого не представляли и власти над толпой никакой не имели. Они требовали, чтобы «не прижимали рабочий класс», один из них повторял: «Мы – рабочий класс, нас много», ударяя при этом кулаком о кулак и матерясь через слово. Другой пожаловался, что «у нас хорошо живет лишь Гагарину Юрке да буфетчице Нюрке». В общем, говорили каждый свое и выговорились от души.

Когда посланцы «выдохлись», Козлов попрощался с ними словами: «Идите к людям, успокойте их, призовите прекратить беспорядки».

Еще до окончания переговоров Козлов, поняв, что его собеседники никого не представляют, кроме самих себя, отослал Кириленко с Шелепиным в Новочеркасск с приказом начальнику гарнизона генералу Олешко: «Очистить здание горкома от ворвавшихся туда погромщиков. В случае необходимости произвести предупредительную стрельбу в воздух». К 12 часам к площади Ленина подошли танки и бронетранспортеры 18-й дивизии, курсанты Школы артиллерийских мастеров, другие воинские части. Они охватили митингующих на площади полукольцом. Здание горкома очистили без труда. Там и было-то всего человек тридцать-сорок, которые и не думали сопротивляться. Генерал Олешко вышел на балкон и через мегафон потребовал разойтись, иначе войска применят оружие. «Пугают, стрелять не будут», – раздалось в ответ из толпы.

– Военнослужащие, выйти из толпы, отойти к стене, – приказал Олешко и чуть позже: – Залпом, вверх, огонь!

Застрекотали автоматы, но толпа не двинулась с места.⁷¹

– Не бойтесь, стреляют холостыми! – раздался чей-то голос.

По толпе пробежал смехок. И тут солдаты произвели второй залп. Как утверждают военные следователи, без команды. Охнув, толпа качнулась и стала рассыпаться. Давя друг друга, люди заматались по площади, бросились на соседние улицы. И тут солдаты прекратили огонь. Площадь бугрилась телами лежащих людей. Убитых оказалось немного, стреляли не прицельно.

Кто стрелял по толпе, осталось невыясненным. Одни свидетели утверждают, что стреляли солдаты, которые «постепенно опускали автоматы вниз». Сами военнослужащие клянутся, что стреляли только в воздух. Другие «очевидцы» свидетельствуют, что стреляли с крыши какие-то штатские, в том числе и из пулеметов. В подтверждение своих слов приводят факты ранения на улицах, удаленных от площади Ленина. Стреляя с земли, туда попасть невозможно, а с крыши легче легкого. Однако виновных прокуроры не нашли. Кто отдавал приказ на открытие огня на поражение, и отдавал ли вообще, тоже осталось неизвестным. Документов того времени, связанных с кровопролитием на площади Ленина, следствие не обнаружило. Установили, однако, что Хрущев разрешения стрелять не давал. Вот что написано в документе: «Материалы следствия позволяют сделать вывод о том, что принятое на месте членами Президиума ЦК КПСС решение применить оружие с Хрущевым предварительно не согласовывалось. Вначале, как уже отмечалось, тот был противником крайних мер. Потом, по мере обострения обстановки, стал требовать наведения порядка любыми средствами, вплоть до применения оружия. Последнее, впрочем, с оговоркой: в случае захвата госучреждений». Мне, конечно, утешительно, что отец в кровопролитии непосредственно не замешан, но это слабое утешение. Пролилась кровь, и человек, стоящий во главе страны, ответственен за все независимо от того, какую позицию он занимал. Сам отец никогда не снимал с себя ответственности.

Так что же на самом деле произошло 2 августа 1962 года на площади Ленина в Новочеркасске? Раз нет документов, то и предполагать можно все, что угодно. Я позволю высказать мое собственное, основанное на логике и психологии, объяснение происшедшего. Я не допускаю, что офицеры могли отдать приказ об открытии огня на поражение без четкого, я считаю, письменного, так принято во всех армиях мира, предписания свыше. Люди они дисциплинированные, понимающие, что за пролитую в мирное время кровь придется отвечать. Следствие же установило: приказа применить оружие не отдавали: ни Москва, ни

⁷¹ Широко гулявшая в прессе версия, что солдаты, стреляя в воздух, поубивали множество забравшихся на деревья мальчишек, следствием не подтвердилась. Она оказалась чистой воды вымыслом.

Микоян с Козловым, ни генерал Плиев. Версия о таинственных «в штатском», стрелявших с крыш прилегающих к площади зданий, еще менее убедительна. Сотрудники КГБ – тоже офицеры, и они тоже без приказа стрелять не начнут. А приказ Семичастному могли дать Хрущев или его заместители, Козлов с Микояном. И копия такого приказа сохранилась бы. Никто из них, кроме Семичастного, до допроса в кабинете военного следователя не дожил. Имей хоть малейшее основание свалить все на покойников, особенно на отца, Семичастный бы это сделал. Он же промолчал, понимая, что подобные обвинения следователь потребует обосновать документально. Стрельба с крыш не укладывается ни в какую логику, кроме стремления военных переложить вину с себя на другое ведомство.

Итак, все факты и свидетели говорят одно: приказа стрелять не было. И агенты КГБ, наверное, на крышах не отсиживались. Нечего им там было делать. Скорее всего, они сновали в толпе, фотографировали, фиксировали имена участников беспорядков.

Дело, по-видимому, обстояло так: разгоряченная, уверенная, что патроны у солдат холостые, толпа все более агрессивно напирала на цепочку солдат. В них летели камни и палки. Возможно, самые «смелые» хватались за стволы автоматов, тянули на себя. Вот тут у кого-то нервы не выдержали и этот «кто-то» полоснул из автомата перед собой в никуда. Соседи по цепочке, взвинченные до крайности, услышав выстрелы, тоже нажали на спусковые крючки. Теперь уже начали стрелять все. К счастью, командиры, не растерялись, быстро навели порядок, иначе людей положили бы сотни, а то и тысячи, ведь стреляли в упор.

В 1962 году дело замяли, командование, как армейское, так и КГБ, на жестком расследовании, наверное, не настаивало. Дашь ход делу и в два счета сам окажешься виноватым. Верха тоже удовлетворились полученными разъяснениями. Вот и спустили все на тормозах.

Повторю, это всего лишь моя реконструкция событий.

Активная фаза новочеркасских волнений завершилась стрельбой на площади Ленина. Поняв, что власти не шутят, большинство митингующих разошлись по домам, однако часть молодежи продолжала до самого вечера толпиться у зданий горкома и милиции. Прошел слух, что Микоян все-таки выступит, толпа притихла, кое-кто полез на расставленные по площади танки. Им хотелось получше разглядеть «вождя». Никто не препятствовал. Танки стояли с задраенными люками, милиция взидала на происходившее с тротуаров из-под деревьев. На сей раз ожидания оправдались, на площади зазвучал голос Микояна. Почему выступал Микоян, а не Козлов? По старшинству говорить с народом следовало ему. Наверное, потому, что в народе Микояна знали лучше Козлова, и толпа требовала Микояна. К тому же противостояние Микояна с Козловым достигло апогея, вот Козлов и предоставил ему возможность объясниться с народом и тем самым принять основную долю ответственности на себя.

Как рассказывал следователю один из участников событий И. В. Белин, инженер отдела технического контроля завода: «забравшись на танк, он Микояна не увидел, выступление передавали по радио. Репродукторы установили неудачно, и они заглушали друг друга. К тому же толпа, “аккомпанируя” речи Микояна, ругала военных и требовала снижения цен. Ничего не поняв из сказанного Микояном, Белин начал просить военных дождаться до штаба, пусть повторят трансляцию, а еще лучше, если Микоян сам приедет сюда и все внятно объяснит народу». Микоян не приехал, а Белина за его инициативу потом допрашивали в прокуратуре, благодаря чему до нас и дошло его свидетельство.

Я думаю, Белин не прав, он не разобрал, что говорил Микоян не из-за плохих репродукторов и шума толпы, а попросту потому, неподготовленному, нетренированному человеку вообще трудно понять речь Микояна из-за его невнятной дикции и сильного армянского акцента; да еще если Анастас Иванович волновался...

На следующий день, 3 июня, в 15 часов по радио выступил Козлов. Его речь стала «переломным моментом в настроении людей», – отметил генерал Ивашутин в рапорте Хру-

щеву. Козлов успокоил горожан, власти не планируют массовых репрессий, беспорядки затеяли «хулиганы», с ними и будут разбираться, остальные могут спать спокойно. Не обошел он и главного, повышения цен, твердо заявил, что правительство своего решения не изменит. Собственно, этим выступлением Козлов подвел черту под беспорядками в Новочеркасске.

Всего по данным следствия во время Новочеркасских событий 1–2 июня 1962 года погибло двадцать пять человек. Свыше пятидесяти получили огнестрельные ранения. Более двадцати – ушибы и травмы. Девять из восьмидесяти шести пострадавших в столкновениях военнослужащих госпитализировали.

После новочеркасской трагедии работа над ценами единого уровня застопорилась. На приведение их в соответствие с реалиями экономики отец больше не «покушался». В магазинах за продукты продолжали платить столько, сколько было привычно для покупателя, а не столько, сколько они стоили на самом деле.